

Кюришнова И. А. Двусосновые антропонимы в ономастиконе памятников XV—XVII вв. / И. А. Кюришнова // Научный диалог. — 2017. — № 2. — С. 57—74.

Kyurshunova, I. A. (2017). Two-Stem Anthroponyms in Name List of Texts of 15th—17th Centuries. *Nauchnyy dialog*, 2: 57-74. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

УДК 81'367.622.12+81'373.231

DOI: 10.24224/2227-1295-2017-2-57-74

Двусосновые антропонимы в ономастиконе памятников XV—XVII вв.¹

© Кюришнова Ирина Алексеевна (2017), кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия), kiam@onego.ru.

Актуальность исследования обусловлена редким обращением ономастологов к изучению двусосновых антропонимических единиц, что, в свою очередь, связано с их невысокой количественной представленностью в текстах документов массовой переписи населения и актовых материалах донационального периода. Для анализа выбраны письменные источники периферийного региона Руси — Карелии XV—XVII веков. Из них методом сплошной выборки извлечены именованья, разделяющиеся на две группы: композиты (например, *Ярослав*) и двусосновые прозвища (например, *Батоногий*). Отмечена их социальная, генетическая разнородность. Охарактеризованы семантико-мотивационные особенности слов, стоящая за ними культурно-историческая информация, антропоцентрический потенциал. Показано, что носителями древнейших княжеских имен-композитов после Крещения Руси становятся представители крестьянского социума. Композитные именованья, оставаясь в кругу некалендарных личных имен, подвергаются различным структурным изменениям. Предполагается, что за мотивом именованья мог сохраняться высокий пожелательный смысл, свойственный мифологическому сознанию дохристианского общества, а набор элементов отличал славянские композиты от подобных имен индоевропейского ономастикона, а также от русских двусосновых прозвищ, основной функцией которых являлась эксплицитная характеристика физических данных и (реже) внутренних качеств лица.

Ключевые слова: историческая региональная антропонимия; двусосновное имя; композиты; некалендарное личное имя; прозвище; составное именованье; мотив именованья.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках проектной части государственного задания в сфере научной деятельности, № 33.1162.2014/К.

1.0. Введение

В памятниках письменности Карелии XV—XVII веков фиксируются небольшие по количеству единиц структурные группы именований, которые редко становятся объектом изучения в исторической антропонимии. Это имена композита, состоящие из двух основ и близкие им в формальном плане двусосновные прозвища. Изначально, несмотря на структурную близость, между этими группами имен существовала экстралингвистическая (социальная) и лингвистическая (ономастическая, семантико-мотивационная) пропасть, которая в исследуемое время — XV—XVII вв. — несколько сближает эти группы, определяя их этнолингвистическую ценность.

2.0. Место композитов в региональном ономастике донационального периода

Сначала о композитах — древнейшей индоевропейской ономастической универсалии. Они представлены не только в славянских именниках, но и в неславянских антропонимиконах настоящего и прошлого, а также в топонимии. См.: [Васильев, 2005; 2012; Демчук, 1988; Журавлев, 1999; Марович, 2000; Топоров, 1993; Топорова, 1996; Трубачев, 1988а; Юркенас, 2003].

В русском именнике их история тесно связана с культурными изменениями, которым подвергалась Русь, начиная с Крещения. В социальном плане эти имена изначально были маркированы как княжеские (родовые), как имена лиц высшего сословия. По словам Б. О. Унбегауна, «этот тип имен за редким исключением имел отношение только к князьям, и поэтому часто назывался княжеское имя» [Унбегаун, 1989, с. 12]. Данный тезис документально подтвержден летописными записями, ср. известный пример, представленный в «Повести временных лет»: **бѣ во оу него снѣвъ • вѣ • Изяславъ • Ярославъ • Стополкъ Всеволодъ • Стославъ • Мьстиславъ • Борисъ • Глѣбъ • Станиславъ • Позвиздъ • Судиславъ** (Лавр. лет.) [ПСРЛ, т. 1, с. 121].

Именно Крещение Руси стало той поворотной точкой, которая исключила эти имена из княжеского списка. Однако они не исчезли из ономастического, позже были спроецированы в более низкие слои общества (например, в крестьянский), в которых, с одной стороны, дольше, чем в высшем сословии, сохранялись древние обычаи имянаречения, а с другой — по известному закону подражания, фиксировалось всё, что было характерной чертой господствующего класса. Крестьянский социум явился той средой, которая обеспечила композитам бытование еще в течение нескольких столетий, их подключение вместе с другими антропонимическими единицами к различным структурно-семантическим преобразованиям.

В ономастическом плане композитные единицы следует квалифицировать как некалендарные личные имена, поскольку, без сомнения, они давались новорожденным. К сожалению, они не нашли должного представления в известных классификациях некалендарных личных имен А. М. Селищева, А. Н. Мирославской, С. Н. Смольникова, поскольку изначально они обладали уникальной семантикой, которая ставит их в некое противопоставление всей массе одноосновных некалендарных личных имен, имеющих апеллятивное происхождение.

Важным для нашего исследования считаем мысль О. Н. Трубачева о том, что «перед нами чистые изначальные *nomina propria*, созданные в результате моментального однократного акта номинации (*Namenprägung*, *name-coinage*), для которого не потребовались предварительные акты апеллятивного словосложения и синтаксического фразообразования» [Трубачев, 1988а, с. 8]. Данный тезис ученый распространяет не только на славянский ономастикон, но и на более широкий ономастический фон индоевропейских систем именования. Ср.: «Но самое главное, что, пожалуй, объединяет праславянскую антропонимию лингвотипологически и культурноисторически с другими индоевропейскими антропонимиями, в частности — со скифо-сарматской, — это то, что развитые двусосновные антропонимы формировались, по-видимому, сразу как генуинные *onomata tantum* — из апеллятивного лексического материала, но без предшествующей стадии двусосновных апеллятивных сложений. Язык маркировал своим особым способом это важное культурно-историческое событие (разрядка моя. — *И. К.*)». Ряд ученых — В. В. Иванов, В. Н. Топоров, Т. М. Николаева, Ю. К. Юркенас — видят за этими «древними именами некий текст, возможно, свернутый миф», предполагают возможность реконструкции ситуации, при которой такое имя появилось [Николаева, 2009, с. 10; см. также Иванов, 1964, 2001; Топоров, 1993; Юркенас, 2003], справедливо замечая, что на данную особенность указывал еще А. А. Потебня.

Безусловно, за каждым композитом стоял индивидуальный свернутый текст. Однако бесспорно и то, что в мотивационном отношении эти именования объединял высокий положительный заряд, связанный с разного рода пожеланиями мира, святости, добра, любви, славы, достатка и под., которыми должен обладать ребенок, родившийся в княжеской среде; «статус подобных имен вдвойне особый. Они — ценнейшая и наиболее престижная и содержательно богатая часть славянского именослова, они <...> предназначены для торжественного рецитирования, имена-характеристики, имена-идеи, имена-цели. На них лежит печать смысловой полноты, знаковой отмеченности, отсвет сакральности» [Топоров, 1993, с. 63].

Именно этот высокий «идейный» ряд, особенно мир, святость, добро, отличает внутреннюю суть славянских композитных имен от неславянских, у которых в качестве элементов используются слова со значениями ‘богатство’, ‘защита’, ‘могучий’, ‘твердый’, ‘блестящий’, ‘победа’, ‘народ’ и т. д. См.: [Топоров, 1996, с. 75—76].

Предполагаем, что такая «высокая внутренняя форма» сохранялась и тогда, когда композиты стали данностью крестьянского ономастикона. Но модальность данного тезиса гипотетическая, поскольку в новом ономастическом социуме — крестьянском — такие имена изменили свой структурный облик и функциональный статус.

Перейдем к анализу структурных особенностей композитов, бытовавших в ономастиконе Карелии. Их полные формы в крестьянской среде фиксируются единично: Максимко Андомец да сын его *Казимер*, кр-н, п. Вытегорский, 1496 [ПКОП, с. 11]; *Веледейко* Трофимов, п. Олонецкий, дело, 1675 [Мюллер, с. 222]; Селифантей *Твердислав*, Толвуйская земля, купчая, XV в. [Гейман, с. 102]. Включение этих имен в ономастикон крестьянского сословия имело последствия: древние двусосновные имена активно трансформировались, превращаясь в гипокористики, за которыми иногда достаточно трудно увидеть древнейшее, первоначально статусное, имя. Приведем в таблице ряд примеров, которые, на наш взгляд, апеллируют к композитам:

Как видим, откомпозиционные гипокористики модифицируются, оставляя от бывшего двусосновного имени только один элемент, к которому в ряде случаев присоединяется формант, который и сближает такие имена с некалендарными личными именами, имеющими апеллятивную основу, как *Вешняк* (от *Вешний* ← *вешний*), *Жданец* (от *Ждан* ← *ждати*), *Морозко* (от *Мороз* ← *мороз*), *Нечаец* (от *Нечай* ← *не чаяти*), *Первушка* (от *Первуша* или *Первой* ← *первой*), *Поздыш* (от *Поздний* ← *позд-*), *Пятуша* (от *Пятой* ← *пятой*), *Третьяк* (от *Третий* ← *третий*) и др., зафиксированных в памятниках письменности Карелии XV—XVII веков. Гипокористики подобно диминутивным формам от одноосновных имен могли начать жить собственной жизнью: избираться для номинации новорожденных в уже модифицированной структуре, которая внутренне могла быть связана с высокой нравственной идеей, предполагаемой у подобных онимов в княжеском социуме В. Н. Топоровым¹.

Данная структурная особенность гипокористик, а также особенности функционирования откомпозиционных именований свидетельствуют, что в большинстве своем они продолжали выполнять функцию личного имени. Только в двух случаях данные антропонимические единицы выполня-

Основа композита	Возможный модификат (гипокористика)
<i>Будимир</i> (в сербохорв. стар. <i>Bùdimir</i> с XIV в., в ст.-чеш. <i>Budimír</i> с XIV в.), <i>Будислав</i> (в сербохорв. стар. <i>Bùdislav</i> с XIII в., в ст.-польск. <i>Budzisław</i> с 1136 г.) или <i>Будивой</i> (в сербохорв. стар. <i>Bùdivôj</i> , в ст.-чеш. <i>Budivoj</i> , в ст.-польск. <i>Budziwoj</i>) [ЭССЯ, вып. 3, с. 76—77]	<i>Будай</i> Сартаков, подьячий, Обонежье, обыск, 1595 [Гейман, с. 346]; <i>Будаец</i> Михайлов сын Попова, дьяк, купчая, 1556 [АСМ, с. 131]; <i>Будайко</i> Федоров, кр-н, п. Шуньгский, 1563 [ПКОП, с. 148]; <i>Будайко</i> Ондриев, п. Оштинский [там же, с. 226]; <i>Будайко</i> Васильев, кр-н, п. Шуезерский, 1582/83 [КЗПОП, с. 137]; <i>Будайко</i> Матфеев, кр-н, п. Толвуйский [Там же, с. 164]
* <i>Воинѣгъ</i> (Демчук, 1988, с. 38), а также в реконструкции В. Н. Топорова * <i>Voj(i)-mirъ</i> ср. сербохорв. <i>Vojmir</i> , польск. <i>Wojmir</i> , болг. <i>Воимир</i> , <i>Воймир</i> , чеш. <i>Vojmír</i> , а также ст.-русс. <i>Войборъ</i> , <i>Войдан</i> , <i>Войгость</i> и т. д. [Топоров, 1993, с. 60]	<i>Воин</i> (<i>Воинка</i>) Булычов, дьяк, 1671, 1672 [Мюллер, с. 200]; <i>Воинко</i> Демидов сын Демидова, земец, п. Пиркинический, 1563 [ПКОП, с. 76]; <i>Воинка</i> Горяинов, староста, п. Веницкий [Там же, с. 243]
<i>Владимир</i> , ст.-русс., <i>Vladimir</i> сербохорв., словен., <i>Włodzimierz</i> , польск. и др. [Торопов, 1993, с. 60]	дьякон <i>Володимер</i> Иванов, п. Олонецкий, 1582/83 [КЗПОП, с. 35]; помещик <i>Володимер</i> Неелов, п. Пиркинический [Там же, с. 79]; поп <i>Володимер</i> , п. Вытегорский [Там же, с. 265]; <i>Володимерко</i> Зиновьев, кр-н, п. Выгозерский, 1582/83 [Там же, с. 193]; <i>Володимерко</i> Матвеев, кр-н, 1587 [Книга Лоп. пог., с. 183]
<i>Gostomir</i> , <i>Gostomit</i> , <i>Hostirad</i> , <i>Hostislav</i> , <i>Lubogost</i> [см. у Демчук, 1988, с. 62]	<i>Гость</i> Кастьянов, староста, п. Кижский, раздельная, 1639 [Мюллер, с. 38]; <i>Гостюша</i> Ондриев, п. Вытегорский, 1582/83 [КЗПОП, с. 378]; <i>Гостюшко</i> Пятый, староста, п. Кижский, челобитная, 1642 [Мюллер, с. 50]
<i>Горислав</i> в реконструкции М. О. Демчук [1988, с. 43]	<i>Горяин</i> , подьячий, закладная, 1547 [АСМ, с. 78]; <i>Горяинко</i> Иванов, кр-н, п. Веницкий, 1563 [ПКОП, с. 243]; <i>Горяинко</i> да Третьячко Захаровы, г. Корела, 1568 [ПКВП, с. 77]; <i>Горяинко</i> Васильев, кр-н, п. Андомский, 1582/83 [КЗПОП, с. 368]
русс. <i>Гудимир</i> , хорв. <i>Гудимиръ</i> , укр. <i>Lichohud</i> (примеры из работ Демчук [1988, с. 62])	<i>Гудашко</i> Устюженин, кр-н, п. Оштинский, 1582/83 [КЗПОП, с. 310]
<i>Доможиръ</i> или <i>Домогость</i> , <i>Домославъ</i> , <i>Доморадь</i> [Демчук, 1988, с. 12]	<i>Домашней</i> Якимов, кр-н, п. Кижский, раздельная, 1639 [Мюллер, с. 38]; <i>Домашка</i> Якимов, раздельная, 1639 [Там же, с. 41]

Продолжение таблицы

Основа композита	Возможный модификат (гипокористика)
<i>Добримир</i> , укр., болг., макед., <i>Dobromir</i> : польск., чеш. [Топоров, 1993, с. 31]	<i>Добрыня</i> Степанов, кр-н, п. Вытегорский, 1582/83 [КЗПОП, с. 276]
* <i>Žiro-mirъ</i> — в реконструкции В. Н. Топорова [1993, с. 62]	Дер. <i>Жирково</i> Старостино, г. Корела, 1568 [ПКВП, с. 66]; Грядка <i>Жиров</i> , п. Никольский Готслав волок, 1496 [ПКОП, с. 19];
<i>Житомиръ</i> [Демчук, 1988, с. 39—41; Топоров, 1993, с. 62]	<i>Житко</i> , кр-н, п. Вытегорский, 1563 [ПКОП, с. 204]
<i>Путимѣрь</i> , <i>Путимыслъ</i> , <i>Путиславъ</i> [Демчук, 1988, с. 60; Топоров, 1993, с. 49]	<i>Путило</i> , кр-н, п. Никольский в Ярославичах, 1563 [ПКОП, с. 247]; <i>Путило</i> Прокофьев сын Скобелцын, кр-н, п. Никольский в Ярославичах [Там же, с. 247]; дьячок <i>Путилко</i> Харитонов, п. Панозерский, 1597 [ДКЛП, с. 213]; <i>Путилко</i> Васильев, кр-н, п. Шальский, 1582/83 [КЗПОП, с. 222]
	<i>Путята</i> Петров, кр-н, п. Выгозерский, 1582/83 [КЗПОП, с. 203]; <i>Путяйко</i> Гаврилов, кр-н, п. Толвуйский, 1582/83 [КЗПОП, с. 175]
<i>Хвалимир</i> , ср. у С. Б. Веселовского <i>Хвалимир</i> Шатилов, помещик, 1614, Одоев [Веселовский, с. 337]	Васюк <i>Хвалим</i> , кр-н, п. Шуньгский, 1563 [ПКОП, с. 151]

ли роль прозвищ, ср. уже приведенные выше примеры: Селифантей *Твердислав*, Васюк *Хвалим*, где выделенные курсивом антропонимы занимают в структуре именования постпозицию по отношению к календарному имени, что свидетельствует и об изменении их ономастической сущности.

3.0. Двусосновные характеризующие прозвища

Двусосновными являются не только имена-композиции, но и некоторые прозвища, описывающие различные особенности внешних и внутренних качеств взрослого человека. При этом внешние данные чаще становятся основой такого описательного прозвища. Ср. различные отличительные черты ног, отмеченные в основах именований, бытовавших в ономастиконе Карелии XV—XVII веков: Григорий *Батоног*, Строкина пуст., 1565 [Докучаев-Басков, с. 28] и *ботонóгий* — ‘человек с заплетающейся ногой’ без указ. места [СРНГ, т. 3, с. 138]; Фетча Фатьянов *Луконог*, г. Корела, 1568 [ПКВП, с. 60] и *лука* ‘изгиб, луговое или лесное пространство в излучине реки, изгиб седла’, белорус. луковина ‘излучина’, др.-русс. *лука* ‘изгиб, залив’, ц.-слав.

лжка, болг. *лъка* ‘изгиб, луг, выгон’ и др. [Фасмер, т. 2, с. 531], то есть *луконогий* — это ‘тот, у кого изогнуты (искривлены) ноги’; Кюрша Иванов *Рудног*, 1563 [ПКОП, с. 116]; Онфимко *Толстоног*, 1496 [ПКОП, с. 53]; Васюк *Хлупоног*, 1563 [ПКОП, с. 164] и *хлопый* ‘имеющий укороченную ногу, хромой’ чуд., тихв., чаг. [СРГК, вып. 6, с. 720]. Добавим именованьями по другим регионам: *Долгоног*, **Кривоножка* [Веселовский, с. 32, с. 98], *Кривоног(ий)* [Кузнецов, 2011, с. 179], *Хромоногой* [Тупиков, с. 474] и т. д. Отметим, что неслучайно одним из компонентов таких прозвищ является так называемый соматизм, который в сочетании с другим компонентом сложного именования определял, по словам О. Д. Суриковой, «повышенное внимание номинатора к физическим увечьям», причиной которого являлось представление о норме функционирования человека в социуме [Сурикова, 2013, с. 59], необходимость вступать в коллективные трудовые отношения, где вклад каждого члена общества был замечен и все, что мешало полноценно трудиться, отмечалось в языке, в том числе и в прозвищах.

Соматизм осложнен описательными компонентами и строится по модели — «компонент (*бело-*, *долго-*, *красно-*, *криво-*, *остро-*, *сухо-*, *сыро-*, *толсто-*, *тонко-*, *черно-*, *широ(ко)-* и т. д.) + соматизм». Ср. в документах Карелии: Иванко *Белоус*, 1563 [ПКОП, с. 205]; Степан Семенов сын *Долгомуд*, поступная, 1545 [АСМ, с. 70]; Яков *Долгошей*, духовная, 1561 [АСМ, с. 166]; Степанко Карпов *Краснохуй* [Там же, 132]; Кудро Семенов *Кривоногой*, 1563 [ПКОП, с. 142]; Сава *Кривонос*, 1595 [Докучаев-Басков, с. 64]; Игнатко Филипов *Кривошей*, 1563 [ПКОП, с. 247]; Федор Савельев сын Городчанин, *Кривошек*, 1592 [Докучаев-Басков, с. 62]; Гриша Офонасов сын *Сухонос*, отводная, 1556 [Гейман, с. 184]; Онфимько *Толстоног*, 1496 [Там же, с. 53]; **Тонконог(ой)* — Конан Иванов сын *Тонконогова*, 1550 [АСМ, с. 101]; Иванко Васильев *Широнос*, 1568 [ПКВП, с. 68].

Данные антропонимии по другим территориям Руси расширяют список таких прозвищ. Так, у С. Б. Веселовского, Н. М. Тупикова, А. Г. Мосина, А. В. Кузнецова, Е. Н. Поляковой фиксируются: *Белобок*, *Белобород*, *Белобров*, *Белоголов*, **Белогуб*, *Белогуз*, *Белогузка*, **Белоног*, *Белонос*, *Белорук*, *Белошек*; *Вострошек*, *Долгоног*, *Долгорукий*; *Краснозоб*, *Красношей*; *Кривобород*, *Кривоножка*, *Криворог*, *Кривочелюстный*, *Кривошейка*; *Сухобоков*, *Сухорук*, *Сухошек*; *Сырогуз*, *Сыропятый*; *Толстоголов*, *Толстопят*, *Толстоух*, *Толстошей*; *Чернобровец*, **Чернобровка*, **Черногуб*, *Черногуз*, *Черноскул*, *Черноус*, **Широкобрюх* и т. д. В семантическом плане, видим, они могут выстраиваться в антонимические именованья: *Бело* ↔ *Черно*, *Сухо* ↔ *Сыро*. Отсутствие полярности в некоторых случаях (*Криво-*) накладывается на понятие о норме, которая, как известно, не нуж-

дается в дополнительной выраженности в языке и остается непроявленной по разным причинам, например, в сериях прозвищ с компонентами *Долго-*, *Остро-* *Толсто-*, *Широ(ко)-* ожидаются потенциально возможные фиксации на *Тонко-*, *Тупо-*, *Узко-*, пока не зафиксированные памятниками письменности, но отмеченные у именований с одним корнем в основе — **Тонкач*, *Тонкий*, *Тонкуша*, *Тончик*; *Тупик*, *Тупица*, *Узкий*.

Прозвища-соматизмы — особенность не только русского ономастического, они представлены в прибалтийско-финском именнике. Приведем небольшой список карельских прозвищ с компонентом *pää* ‘голова’, отмеченных в документах Кексгольмского лена:

1618 г. — Griska *Kolupäieff*, p. Uguniemi [КЛ, с. 337]; Jwan *Tuckapä*, p. Kiriansk Bohåråditzk [КЛ, с. 311]; Luka *Korgapä*, p. Kiriansk Bohåråditzk [КЛ, с. 299] и т.д., где *kolupää* ‘каменная голова’, *tuckapää* ‘волосатая голова’, *korgapää* ‘высокая голова’; в книге 1631 года — Madz *Jauhöpä*, p. Rautus [КЛ, с. 400]; Fedorko *Lihäpä*, p. Kurki Joki [КЛ, с. 426]; Brusi *Mustapä*, p. Sordowala [КЛ, с. 555]; Peer *Tackupä*, p. Rautus [КЛ, с. 399]; Eskell *Tachkäpä*, p. Sackula [КЛ, с. 397]; Juantko *Tasapä*, p. Kiteis [КЛ, с. 474] и т.д., где *jauhöpä* ‘мучная голова’, *lihäpä* ‘мясистая голова’, *mustapä* ‘черная голова’; *tackupä* ‘косматая голова’, *tasapää* ‘крепкая голова’;

1637 г. — Гиндрик *Пунапяев* / Hendricn *Pawapää*, п. Угонемский [КЛ, с. 550/150²]; Петрушка *Кованяев* / Petruska *Kowapää*, п. Угонемский [КЛ, с. 556/156]; Юшко *Карганяев* / Jusska *Kargapäef*, п. Угонемский [КЛ, с. 635/268]; Первушка *Ковкуняев* / Pärwoi *Koukupää*, п. Угонемский [КЛ, с. 461/50] и т.д., где *rawapää* ‘рыжая голова’, *kowapää* ‘твердолобая голова’, *kargapää* ‘шершавая голова’, *koukupää* ‘крючковатая голова’.

Характеристики морально-этических качеств человека реже находили ономастическое выражение через двусловное прозвище. В документах Карелии XV—XVII веков такие прозвища единичны: *Горемыка* Копцов сын Борыкова, п. Сакульский, 1568 [ПКВП, с. 119]³, ср. в др.-русс. с XVII века *горемыка* ‘человек, постоянно испытывающий горе, всевозможные беды; неудачник’: «Многострадальный юзникъ темничной, *горемыка*, нужетерпецъ, исповѣдникъ Христовъ, священно протопопъ Аввакумъ понуженъ бысть житие свое написати отцемъ его духовнымъ» (XVII в.); «Помогала намъ ... воеводская сноха ... Дочь моя будная *горемыка*, Огрофена, бродила втай к ней под окно» (1673 г.) [СлРЯ XI—XVII, вып. 4, с. 84]. Данные ономастики позволяют отодвинуть временную планку существования апеллятива по крайней мере до середины XVI века; Васюк *Самодур*, кр-н, п. Пиркинический, 1563 [ПКОП, 79] и диалектное *самодур* — ‘глупый и самоуверенный человек’ без указ. места [Даль, т. 4,

с. 133], 'упрямый человек' *пск., твер., 'шалун, проказник' тамб.* [СРНГ, т. 36, с. 85] и *самодурно* 'самовольно, без разрешения' *бав.* [СРГК, т. 5, с. 628]; **Терпигоре*, ср.: Федор *Терпигорев*, писец, 1563 [ПКОП, часто]. Именование отражало реальную действительность: Семен Ондреев сын *Худокуй*, кр-н, Кереть, купчая, 1520 [АСМ, 35] — вероятно, прозвище плохого кузнеца; **Чернобай*, ср.: Ивашка *Чорнобаев*, кр-н, п. Никольский в Ярославичах, 1563 [ПКОП, 253] — возможно, прозвище колдуна, знахаря, того, кто произносит заговоры (черные слова).

Несмотря на то что прозвища со сложной основой структурно схожи с композитами, их семантико-мотивационная природа иная. Для образования двусосновных имен экспрессивного образования «потребовались предварительные акты апеллятивного словосложения и синтаксического фразообразования» [Трубачев, 1988б, с. 8]. Такие имена, без сомнения, образовались из сочетаний типа *Белобров* ← *белые брови* 'тот, у кого белые брови', **Редоус* ← *редкие усы* 'тот, у кого редкие усы' и т. д. Доказательством того, что ряд двусосновных антропонимов не относится к древним композитам, является наличие соответствующих апеллятивов в исторических и диалектных словарях. Так, для *Белоглазой*, 1538/39 [Гейман, с. 133] находим в Словаре XI—XVII веков апеллятив *белоглазый* 'светлоглазый' [СлРЯ XI—XVII, вып. 1, с. 134]. Именования **Батоногой* от Батоногов — Иванко Кузьмин сын *Батоногов*, 1568 [ПКВП, с. 56] и **Трегубой* от Трегубов — Ондриша Олексеев *Трегубов*, 1597 [ДКЛП, с. 219] связаны по происхождению с диалектными апеллятивами *батонóгий* 'человек с заплетающейся ногой' *без указ. места* [СРНГ, т. 3, с. 138] и *трегубый* 'тот, у кого от природы рассечена верхняя губа' *без указ. места* [Даль, т. 4, с. 432], 'о человеке с большими губами, губастый' *чкал.* [СРНГ, т. 45, с. 22], а также однокоренное *трегубка* 'о человеке с раздвоенной губой' *калуж.* [Там же]. Вероятно, в данную группу можно включить и прозвища **Кривокрызий* (Иванка Захаров *Кривокрызиев*, 1598 [ДКШВ, с. 241]) и **Деригуз* (Микифорко Иванов *Деригузов*, кр-н, п. Шуньгский, 1563 [ПКОП, с. 151]).

Как видим, за прозвищами со сложной основой также скрыт текст, но более прозрачный, нежели у композитных именований. Ни одно из представленных имен не было случайным в ономастической системе исследуемого времени. Наряду с характеристикой лица такие именования содержали во внутренней форме профилактический мотив, предупреждение любых отступлений от нормы.

В мотивационном плане экспрессивные двусосновные прозвища близки составным именам, см. примеры, выделенные курсивом: *Васка Медвежья Голова*, п. Шуньгский, 1496 [ПКОП, с. 3]; *Родивонко да Фомка Васильевы*

Толстые Нагавицы, п. Пудожский, 1563 [Там же, с. 180]; Окул *Сальное Рыло*, Строкина пуст., 1572 [Докучаев-Басков, с. 33], Третьяк, сапожный швец, *Усталые Глаза*, Строкина пуст., 1593 [Там же, с. 559], а также вычлененное из ойконима прозвище **Рудный Палец* (дер. на Колодо-озере ж словет Рудного Палца), п. Пудожский, 1563 [ПКОП, с. 185], и, возможно, сюда же можно отнести именованя — Онтон, прозвище *Трясца Гость*, Шуерецкая вол., купчая, 1612 [Мюллер, с. 27]; Стефан Мартемьянов сын Судоков, а по прозвищу *Орел Малой*, Кемская вол., купчая, 1587 [Гейман, с. 301]; Василей Борисов сын *Рогатых Вшей*, Строкина пуст., 1588 [Докучаев-Басков, с. 55].

Составные прозвища (в отличие от композитов) являются на сегодняшний день практически не описанным антропонимическим материалом. Вероятно, это связано с их единичной представленностью в документах донационального периода⁴. В памятниках письменности Карелии их состав исчисляется менее чем одним процентом от числа всех прозвищ. Малоактивны такие прозвища и по другим территориям. В ономастиконе С. Б. Веселовского представлено чуть более 30 таких конструкций, построенных в основном по типу «прилагательное + существительное» (*Возривая Рожа, Угреватая Рожа, Очунная Рожа; Долгая Борода, Костяные Уши, Сеченая Щека, Короткие Ноги, Толстая Голова, Толстые Пальцы* и т. д.). Такие фиксации позволяют взглянуть на еще один тип номинации лица и убедиться в разнообразии представления человека номинатором.

Безусловно, между прозвищами однословными (сложными) и прозвищами, построенными по составному типу, существовали взаимопереходы, ср. пример у С. Б. Веселовского: князь *Михаил Иванович Засекин Черносова* и он же — *Черная Совка* [Веселовский, с. 352]. Направление подобной номинации — от словосочетания к его эллиптированию, далее субстантивация с возможным добавлением антропоформанта. Семантически компоненты составного прозвища — единое целое, это оним, за которыми стоит повышенная индивидуализация лица. Однако предполагаем, что возможным было усечение одного из компонентов составного именованя. Таким образом, составное прозвище, например, *Окул Сальное Рыло* могло преобразовываться в *Окул Рыло* или *Окул Сальный*. Зависело это от того, какой компонент номинатор «считал» более сильным. К сожалению, мы не располагаем данными, позволяющими сделать более точные выводы в данном случае.

4.0. Заключение

Анализ двусловных антропонимов, зафиксированных в памятниках письменности Карелии XV—XVII веков, показал, что древнерусская оно-

мастическая система к указанному периоду испытывает количественные и качественные изменения, причиной чему стали, прежде всего, историко-культурные процессы, обусловленные принятием христианства. Так, композиты перемещаются в более низкие социальные слои, где претерпевают структурные изменения, но сохраняют при этом и свой первоначальный статус — функцию личного имени, и возможный древний пожелательный мотив номинации новорожденного. Это отличает композиты от близких в структурном отношении двусловных прозвищ (большой частью соматизмов), характеризующих обычно взрослого человека, для которого основным условием являлось отношение к труду, что свойственно всем экспрессивным отапеллятивным и составным ономастическим номинациям исследуемого времени. Обе группы двусловных именований — своеобразный культурный код, расшифровка которого позволяет взглянуть на информативность антропонимических единиц как фрагментов, представляющих периферийную, региональную картину мира Руси XV—XVII веков.

Примечания

¹ Благородный мотив был в некоторой степени поддержан довольно ранним включением в церковные календари небольшого количества композитов (например, *Владимир* и модифицированного *Воин*). Здесь же назовем калькированные календарные имена *Богдан*, от греч. Θεόδωτος = Феодот ‘богом данный’, а также *Вера*, *Надежда*, *Любовь*, и их возможную постановку в номинативный ряд, подобный композитам и отапеллятивным именам.

² Первая цифра — номер страницы в русской части источника, вторая — в шведской части.

³ Имеются сведения также о нескольких людях с патронимом Горемыкин: Тимофей, Семен, Никон Кузьмины дети *Горемыкина* из Подужемья, кр-не, Кемская вол., закладная, 1572 [Гейман, с. 221]; Володя Семенов сын *Горемыкин*, кемлянин, п. Выгозерский, отпись, 1570 [Там же, с. 199]; Кирило Семенов сын *Горемыкин*, Кемская вол., закладная, 1572, купчая, 1587 [Там же]; Кузьма *Горемыкин*, Кемская вол., закладная, 1572 [Там же, с. 222].

⁴ Редкими составные антропонимы были и в более ранние эпохи, однако по мотивационному признаку и отсутствию других компонентов в структуре именования их вряд ли можно поставить в один ряд с прозвищами, ср. имя воеводы князя Владимира Святого — *Волчий Хвост*, где мотивационный аспект мог содержать мифологическую характеристику.

Сокращения

р. — pogost

болг. — болгарский язык

кр-н — крестьянин

п. — погост
 пуст. — пустынь
 сербохорв. — сербохорватский язык
 ст.-польск. — старопольский язык
 ст.-русс. — старорусский язык
 ст.-чеш. — старочешский язык
 стар. — старый
 тихв. — тихвинские говоры русского языка
 укр. — украинский язык
 чаг. — чагодошенские говоры русского языка
 чеш. — чешский язык
 чкал. — чкаловские говоры русского языка
 чуд. — чудовские говоры русского языка

Источники и принятые сокращения

1. АСМ — *Акты* социально-экономической истории Севера России конца XV—XVI вв. : акты Соловецкого мон. 1479—1571 гг. / АН СССР Ин-т истории СССР, Ленингр. отделение ; сост. И. З. Либерзон. — Москва : Наука, 1988. — 273 с.
2. Веселовский — *Веселовский С. Б.* Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии / С. Б. Веселовский — Москва : Наука, 1974. — 384 с.
3. Гейман — *Материалы* по истории Карелии XII—XVII веков / под. ред. В. Г. Геймана. — Петрозаводск : Госиздат Карело-Фин. ССР, 1941. — 440 с.
4. Даль — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 томах / В. И. Даль. — Москва : Русский язык, 1981—1982. — Т. 1—4.
5. ДКЛП — *Дозорная книга* Лопских погостов, 1597 г. // История Карелии XVI—XVII вв. в документах. Т. I. Asiakirjoja Karjalan Historiasta 1500-ja 1600-luvulta / ред. И. А. Чернякова, Г. М. Коваленко. — Петрозаводск ; Йоэнсуу, 1987. — С. 186—233.
6. ДКШВ — *Дозорная книга* Шуерецкой волости, 1598 г. // История Карелии XVI—XVII вв. в документах. Т. I : Asiakirjoja Karjalan Historiasta 1500-ja 1600-luvulta / ред. И. А. Чернякова, Г. М. Коваленко. — Петрозаводск ; Йоэнсуу, 1987. — С. 234—254.
7. Докучаев-Басков — *Докучаев-Басков К. А.* «Строкина пустыня» и ее чернецы (Опыт исследования жизни монашествующих) / К. А. Докучаев-Басков // Известия общества изучения Олонецкой губернии. — 1914. — Т. 3. — № 3. — С. 1—16. — № 4. — С. 17—32. — Т. 4. — № 5. — С. 33—48. — № 6—7. — С. 49—64. — № 8. — С. 65—84.
8. КЗПОП — *Писцовая книга* Заонежской половины Обонежской пятины 1582/83 гг. : заонежские погосты // История Карелии XVI—XVII вв. в документах. Т. 3. Ч. 3 : Asiakirjoja Karjalan Historiasta 1500-ja 1600-luvulta / ред. И. А. Чернякова, К. Катаяла. — Петрозаводск ; Йоэнсуу, 1993. — С. 35—341.
9. КЛ 1618 — *Переписная книга* Корельского уезда, 1618 г. // История Карелии XVI—XVII вв. в документах. Т. I : Asiakirjoja Karjalan Historiasta 1500-ja 1600-lu-

vuilta / ред. И. А. Чернякова, Г. М. Коваленко. — Петрозаводск ; Йёнссу, 1987. — С. 284—387.

10. КЛ 1637 — *Поземельная книга Кексгольмского лена, 1637 г.* // История Карелии XVI—XVII вв. в документах. Т. 2 : Asiakirjoja Karjalan Historiasta 1500-ja 1600-luvulta / ред. И. А. Черняковой, К. Катаяла. — Петрозаводск ; Йёнссу, 1991.

11. Книга сбора — *Книга сбора данных и оброчных денег с тяглого населения Лопских погостов 1587/88 гг.* // История Карелии XVI—XVII вв. в документах. Т. 1 : Asiakirjoja Karjalan Historiasta 1500-ja 1600-luvulta / ред. И. А. Чернякова, Г. М. Коваленко. — Петрозаводск ; Йёнссу, 1987. — С. 179—185.

12. Кузнецов — *Кузнецов А. В.* Исторический именослов Русского Севера : народные имена (прозвища), отчества, происхождение названий деревень / А. В. Кузнецов. — Тотьма : Русское Устье, 2011. — Ч. 1 : А—К. — 212 с.

13. Кузнецов — *Кузнецов А. В.* Тарногский ономастикон : словарь фамилий и названий деревень Тарногского района / А. В. Кузнецов. — Вологда : ВГПУ, 2007. — 240 с.

14. Кузнецов — *Кузнецов А. В.* Тотемский ономастикон : фамилии тотемичей. названия деревень, «советские» ойконимы, русские гидронимы / А. В. Кузнецов. — Вологда : Русь, 2007. — 328 с.

15. Мосин — *Мосин А. Г.* Уральский исторический ономастикон / А. Г. Мосин. — Екатеринбург : Изд-во Екатеринбург, 2001. — 516 с.

16. Мюллер — *Карелия в XVII веке* : сборник документов / сост. Р. Б. Мюллер ; под ред. А. И. Андреева. — Петрозаводск : Гос. изд-во Карело-Финской ССР, 1948. — 441 с.

17. ПКВП — *Писцовая книга Водской пятины, 1568 г.* // История Карелии XVI—XVII вв. в документах. Т. 1. Asiakirjoja Karjalan Historiasta 1500-ja 1600-luvulta / ред. И. А. Чернякова, Г. М. Коваленко. — Петрозаводск ; Йёнссу, 1987. — С. 52—178.

18. ПКОП — *Писцовые книги Обонежской Пятины : 1496 и 1563 гг.* / ред. М. Н. Покровского. — Ленинград : Академия наук СССР, 1930. — Вып. IV. — 268 с.

19. Полякова — *Полякова Е. Н.* Словарь пермских фамилий / Е. Н. Полякова. — Пермь : Книжный мир, 2005. — 464 с.

20. ПСРЛ — *Полное собрание русских летописей.* [Электронный ресурс]. Т. 1. Изд. 2-е. Лаврентьевская летопись. — Вып. 1 : Повесть временных лет. — Ленинград, 1926. — Режим доступа : http://www.psrl.csu/toms/Tom_01.shtml.

21. СлРЯ XI—XVII — *Словарь русского языка XI—XVII веков* / ред. Ф. П. Филин. — Москва : Наука, 1980—1981. — Вып. 7—8.

22. СРГК — *Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей* / ред. А. С. Герд. — Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет, 1994—2005. — Вып. 1—6.

23. СРНГ — *Словарь русских народных говоров* / ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сорокалетов, С. А. Мызников. — Москва ; Ленинград, 1965—2013. — Т. 1—46.

24. Тупиков — *Тупиков Н. М.* Словарь древнерусских личных собственных имен / Н. М. Тупиков. — Москва : Языки славянских культур, 2005. — 1032 с.

25. Унбегаун Б. О. Русские фамилии / Б. О. Унбергаун. — Москва : Прогресс, 1989. — 443 с.
26. Фасмер — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер. — Москва : Прогресс, 1986—1987.
27. ЭССЯ — *Этимологический словарь славянских языков : праславянский лексический фонд* / под ред. О. Н. Трубачева. — Москва : Наука, 1974—2014. — Вып. 1—39.

Литература

1. *Васильев В. Л.* Архаическая топонимия Новгородской земли (Древнеславянские деантропонимные образования) / В. Л. Васильев. — Великий Новгород : Новгородский гос. ун-т им. Ярослава Мудрого, 2005. — 468 с.
2. *Васильев В. Л.* Славянские топонимические древности Новгородской земли / В. Л. Васильев. — Москва : Рукописные памятники Древней Руси, 2012. — 816 с.
3. *Войтович М.* Древнерусская антропонимия XIV—XV вв. : Северо-Восточная Русь / М. Войтович [Marian Wojtowicz]. — Poznań, 1986. — 305 с.
4. *Демчук М. О.* Слов'янські автохтонні особові власні імена в побуті українців XIV—XVII ст. / М. О. Демчук — Київ: Наукова думка, 1988. — 172 с.
5. *Журавлев А. Ф.* Древнеславянская фундаментальная аксиология в зеркале праславянской лексики / А. Ф. Журавлев // Славянское и балканское языкознание : проблемы лексикологии и семантики : слово в контексте культуры. — Москва : Индрик, 1999. — С. 7—32.
6. *Иванов В. В.* Происхождение имени Кухулина / В. В. Иванов // Проблемы сравнительной филологии. — Москва ; Ленинград : Наука, 1964. — С. 451—461.
7. *Иванов В. В.* Языковые следы мифологии имени / В. В. Иванов // Имя : внутренняя структура, семантическая аура, контекст : тезисы международной научной конференции : часть I. — Москва : Ин-т славяноведения, 2001. — С. 40—42.
8. *Мароевич Р.* Личные имена в системе антропонимических категорий праславянского языка / Р. Мароевич // Этимология. 1997—1999 / отв. ред. Ж. Ж. Варбот. — Москва : Наука, 2000. — С. 96—101.
9. *Мирославская А. Н.* О древнерусских именах, прозвищах и прозваниях / А. Н. Мирославская // Перспективы развития славянской ономастики / отв. ред. А. В. Суперанская. — Москва : Наука, 1980. — С. 202—213.
10. *Николаева Т. М.* О “единстве ономастики” и / или о новой ветви “антропонимии” / Т. М. Николаева // Вопросы языкознания. — 2009. — № 3. — С. 3—18.
11. *Селищев А. М.* Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ / А. М. Селищев. — В книге : Селищев А. М. Избранные труды / А. М. Селищев. — Москва : Просвещение, 1968. — С. 97—129.
12. *Смольников С. Н.* Антропонимия в деловой письменности Русского Севера XVI—XVII вв. : функциональные категории и модальные отношения / С. Н. Смольников. — Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет, 2005. — 256 с.
13. *Сурикова О. Д.* Отсоматические образования с приставкой без в русском и украинском антропонимиконе / О. Д. Сурикова // Вопросы ономастики. — 2013. — № 1 (14). — С. 58—78.

14. *Топоров В. Н.* Праславянская культура в зеркале собственных имен (элемент *mīg-) / В. Н. Топоров // История, культура, этнография и фольклор славянских народов : XI Международный съезд славистов. Братислава, сентябрь 1993 г. Доклады российской делегации. — Москва : Наука, 1993. — С. 3—118.

15. *Топорова Т. В.* Культура в зеркале языка : древнегерманские двучленные имена собственные / Т. В. Топорова. — Москва : Школа «Языки русской культуры», 1996. — 253 с.

16. *Трубачев О. Н.* Праславянская ономастика в Этимологическом словаре славянских языков, выпуски 1—13 / О. Н. Трубачев // Этимология. 1985 : сборник научных трудов / отв. ред. О. Н. Трубачев. — Москва : Наука, 1988а. — С. 3—10.

17. *Трубачев О. Н.* Приемы семантической реконструкции / О. Н. Трубачев // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей : теория лингвистической реконструкции / отв. ред. Н. З. Гаджиева. — Москва : Наука, 1988б. — С. 197—222.

18. *Юркенас Ю. К.* Основы балтийской и славянской антропонимии = Principles of Baltic and Slavonic anthroponymy / Ю. К. Юркенас. — Вильнюс : Ciklonas, 2003. — 193 с.

Two-Stem Anthroponyms in Name List of Texts of 15th—17th Centuries¹

© *Kyurshunova Irina Alekseyevna* (2017), PhD in Philology, associate professor, Department of Russian Language, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia), kiam@onego.ru.

The relevance of the study is determined by the rare appeal of onomatologists to studying two-stems anthroponomical units, which in turn is due to their low quantitative representation in the texts of the mass census and act materials of the epochs before national period. The written sources of a peripheral region of Russia — the Republic of Karelia of 15th—17th centuries — are chosen for the analysis. By the continuous sampling the names are extracted out of these texts and divided into two groups: composites (for example, *Yaroslav*) and two-stem nicknames (for example, *Batonogiy*). They are marked by their social and genetic heterogeneity. Semantic and motivational features of words, cultural and historical information within them, anthropocentric potential are characterized. It is shown that after the baptism of Rus the representatives of the peasant society were named by the ancient princely names-composites. Composite names, remaining in the circle of non-calendar personal names, subject to various structural changes. It is assumed that the motive of naming could have high politely meaning inherent in the mythological consciousness of the pre-Christian society, and a set of elements distinguished Slavic composites from Indo-European names of this kind, as well as from the Russian two-stem nicknames, the main function of which was the explicit characterization of the physical data and (rarely) the inner qualities of a person.

1 The study is financially supported by Ministry of Education and Science of Russia within the project part of state task in the sphere of scientific activities, № 33.1162.2014/K.

Key words: regional historical anthroponymy; two-stems name; composites; non-calendar personal name; nickname; compound naming; naming motif.

Material resources

- ASM — Liberzon, I. Z. (ed.). 1988. *Akty sotsialno-ekonomicheskoy istorii Severa Rossii kontsa XV—XVI: akty Solovetskogo mon. 1479—1571*. AN SSSR In-t istorii SSSR, Leningr. otdeleniye. Moskva: Nauka. (In Russ.).
- Dal — Dal, V. I. 1981—1982. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka*. Moskva: Russkiy yazyk,. (In Russ.).
- DKLP — Dozornaya kniga Lopskikh pogostov, 1597 g. 1987. In: Chernyakova, I. A., Kovalenko, G. M., Salokheymo, V. (eds.). *Istoriya Karelii XVI—XVII vv. v dokumentakh, 1. Asiagirjoja Karjalan Hictoriasta 1500-ja 1600-luvuilta*. Petrozavodsk; Yoensuu. (In Russ.).
- DKShV — Dozornaya kniga Shueretskoy volosti, 1598 g. 1987. In: Chernyakova, I. A. Kovalenko, G. M. (eds). *Istoriya Karelii XVI—XVII vv. v dokumentakh, 1: Asiagirjoja Karjalan Historiasta 1500-ja 1600-luvuilta*. Petrozavodsk; Yoensuu. (In Russ.).
- Dokuchaev-Baskov — Dokuchaev-Baskov, K. A. 1914. «Strokina pustynya» i ee chernetsy (Opyt issledovaniya zhizni monashestvuyushchikh). In: *Izvestiya obshchestva izucheniya Olonetskoy gubernii*. (In Russ.).
- ESSYa — Trubachev, O. N. 1974—2014. *Etimologicheskij slovar' slavyanskikh yazykov: praslavyanskiy leksicheskiy fond*. Moskva: Nauka, 1—39. (In Russ.).
- Fasmer — Fasmer, M. 1986—1987. *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka, 4*. Moskva: Progress,. (In Russ.).
- Geyman — Geyman, V. G. (ed). 1941. *Materialy po istorii Karelii XII—XVII vekov*. Petrozavodsk: Gosizdat Karelo-Fin. SSR. (In Russ.).
- KL 1618 — Perepisnaya kniga Korelskogo uezda, 1618 g. 1987. In: Chernyakova, I. A. Kovalenko, G. M. (eds). *Istoriya Karelii XVI—XVII vv. v dokumentakh, 1: Asiagirjoja Karjalan Historiasta 1500-ja 1600-luvuilta*. Petrozavodsk; Yoensuu. (In Russ.).
- KL 1637 — Pozemelnaya kniga Keksgolmskogo lena, 1637 g. 1991. In: Chernyakova, I. A. Katayala. K. (eds). *Istoriya Karelii XVI—XVII vv. v dokumentakh, 2: Asiagirjoja Karjalan Historiasta 1500-ja 1600-luvuilta*. Petrozavodsk; Yoensuu. (In Russ.).
- Kniga sbora — Kniga sbora dannikh i obrochnykh deneg s tyaglogo naseleniya Lopskikh pogostov 1587/88 gg. 1987. In: Chernyakova, I. A. Kovalenko, G. M. (eds). *Istoriya Karelii XVI—XVII vv. v dokumentakh, 1: Asiagirjoja Karjalan Historiasta 1500-ja 1600-luvuilta*. Petrozavodsk; Yoensuu. (In Russ.).
- Kuznetsov — Kuznetsov, A. V. 2011. *Istoricheskiy imenoslov Russkogo Severa: narodnyye imena (prozvishcha), otchestva, proiskhozhdeniye nazvaniy dereven', 1. A—K*. Totma: Russkoye Ustye. (In Russ.).
- Kuznetsov — Kuznetsov, A. V. 2007. *Tarnogskiy onomastikon: slovar' familiy i nazvaniy dereven' Tarnogskogo rayona*. Vologda: VGPU. (In Russ.).

- Kuznetsov — Kuznetsov, A. V. 2007. *Totemskiy onomastikon: familii totmichey, nazvaniya dereven', «sovetskiye» oykonimy, russkiye gidronimy*. Vologda: Rus'. (In Russ.).
- KZPOP — Pistsovaya kniga Zaonezhskoy poloviny Obonezhskoy pyatiny 1582/83 gg.: zaonezhskie pogosty. 1993. In: Chernyakova, I. A., Katayala, K. (eds). *Istoriya Karelii XVI—XVII vv. v dokumentakh, 3/3: Asiakirjoja Karjalan Hictoriasta 1500-ja 1600-luvuilta*. Petrozavodsk; Yoensuu. (In Russ.)
- Mosin — Mosin, A. G. 2001. *Uralskiy istoricheskiy onomastikon*. Yekaterinburg: Izd-vo Yekaterinburg. (In Russ.).
- Myuller — Myuller, R. B. (ed). 1948. *Kareliya v XVII veke: sbornik dokumentov*. Petrozavodsk: Gos. izd-vo Karelo-Finskoy SSR. (In Russ.).
- PKOP — Pokrovskogo, M. N. 1930. *Pistsovyye knigi Obonezhskoy Pyatiny: 1496 i 1563 gg.*, IV Leningrad: Akademiya nauk SSSR. (In Russ.)
- PKVP — Pistsovaya kniga Vodskoy pyatiny 1568 g. 1987. In: Chernyakova, I. A. Kovalenko, G. M., Salokheymo, V. (eds.). *Istoriya Karelii XVI—XVII vv. v dokumentakh, I. Asiakirjoja Karjalan Hictoriasta 1500-ja 1600-luvuilta*. Petrozavodsk: Yoensuu. (In Russ.).
- Polyakova — Polyakova, E. N. 2005. *Slovar' permskikh familii. Perm': Knizhnyy mir*. (In Russ.).
- PSRL — *Polnoye sobraniye russkikh letopisey, I. Lavrent'evskaya letopis', 1: Povest' vremennykh let*. 1926. Leningrad. Available at: http://www.psrl.csu/toms/Tom_01.shtml. (In Russ.).
- SIRYa XI—XVII — Filin, D. P. (ed). 1980—1981. *Slovar' russkogo yazyka XI—XVII vekov*. Moskva: Nauka, 7—8. (In Russ.).
- SRGK — Gerd, A. S. (ed.). 1994—2005. *Slovar' russkikh govorov Karelii i sopredelnykh oblastey*, 1—6. Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet. (In Russ.)
- SRNG — Filin, F. P., Sorokaletov, S. A., Myznikov, S. A. (eds.). 1965—2013. *Slovar' russkikh narodnykh govorov*, 1—46. Moskva; Leningrad. (In Russ.)
- Tupikov — Tupikov, N. M. 2005. *Slovar' drevnerusskikh lichnykh sobstvennykh imen*. Moskva: Yazyki slavyanskikh kultur. (In Russ.).
- Unbegaun, B. O. 1989. *Russkiye familii*. Moskva: Progress. (In Russ.)
- Veselovskiy — Veselovskiy, S. B. 1974. *Onomastikon. Drevnerusskiye imena, prozvishcha i familii*. Moskva: Nauka. (In Russ.).

References

- Demchuk, M. O. 1988. *Slovyanski avtokhtonni osobovi vlasni imena v pobuti ukraintsiv XIV—XVII*. Kiiv: Naukova dumka. (In Ukr.).
- Ivanov, V. V. 1964. Proiskhozhdeniye imeni Kukhulina. In: *Problemy sravnitel'noy filologii*. Moskva; Leningrad: Nauka. 451—461. (In Russ.).
- Ivanov, V. V. 2001. Yazykovyye sledy mifologii imeni. In: *Imya: vnutrennyaya struktura, semanticheskaya aura, kontekst: tezisy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. Moskva: In-t slavyanovedeniya. 1: 40—42. (In Russ.).

- Maroevich, R. 2000. Lichnyye imena v sisteme antroponimicheskikh kategoriy praslavyanskogo yazyka. In: Varbot, Zh. Zh. (ed.). *Etimologiya. 1997—1999*. Moskva: Nauka. 96—101. (In Russ.).
- Miroslavskaya, A. N. 1980. O drevnerusskikh imenakh, prozvischakh i prozvaniyakh. In: Superanskaya, A. V. (ed.). *Perspektivy razvitiya slavyanskoy onomastiki*. Moskva: Nauka. 202—213. (In Russ.).
- Nikolaeva, T. M. 2009. O “edinstve onomastiki” I / ili o novoy vetvi “antroponimiki”. *Voprosy yazykoznanija*, 3: 3—18. (In Russ.).
- Selishchev, A. M. 1968. Proiskhozhdeniye russkikh familiy, lichnykh imen i prozvisch. In: Selishchev, A. M. *Izbrannyye trudy*. Moskva: Prosveshcheniye. 97—129. (In Russ.).
- Smolnikov, S. N. 2005. *Antroponimiya v delovoy pismennosti Russkogo Severa XVI—XVII vv.: funktsionalnyye kategorii i modalnyye otnosheniya*. Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet. (In Russ.).
- Surikova, O. D. 2013. Otsomaticheskiye obrazovaniya s pristavkoy bez v russkom i ukrainskom antroponimikone. *Voprosy onomastiki*, 1/14: 58—78. (In Russ.).
- Toporov, V. N. 1993. Praslavyanskaya kultura v zerkale sobstvennykh imen (element *mir-). In: *Istoriya, kultura, etnografiya i folklor slavyanskikh narodov: XI Mezhdunarodnyy syezd slavistov. Bratislava, sentyabr' 1993. Doklady rossiyskoy delegatsii*. Moskva: Nauka. 3—118.
- Toporova, T. V. 1996. Kultura v zerkale yazyka: drevnegermanskiye dvuchlennyye imena sobstvennyye. Moskva: Shkola «Yazyki russkoy kultury». (In Russ.).
- Trubachev, O. N. 1988a. Praslavyanskaya onomastika v Etimologicheskome slovare slavyanskikh yazykov, vypuski 1—13. In: Trubachev, O. N. (ed.). *Etimologiya. 1985: sbornik nauchnykh trudov*. Moskva: Nauka. 3—10. (In Russ.).
- Trubachev, O. N. 1988b. Priomy semanticheskoy rekonstruktsii. In: Gadzhieva, N. Z. (ed.). *Sravnitel'no-istoricheskoye izucheniye yazykov raznykh semey: teoriya lingvisticheskoy rekonstruktsii*. Moskva: Nauka. 197—222. (In Russ.).
- Vasilyev, V. L. 2005. *Arkhaicheskaya toponimiya Novgorodskoy zemli (Drevneslavyanskiye deantroponimnyye obrazovaniya)*. Velikiy Novgorod: NovGU im. Yaroslava Mudrogo. (In Russ.).
- Vasilyev, V. L. 2012. *Slavyanskiye toponimicheskiye drevnosti Novgorodskoy zemli*. Moskva: Rukopisnyye pamyatniki Drevney Rusi. (In Russ.).
- Wojtowicz, M. 1986. *Drevnerusskaya antroponimiya XIV—XV: Severo-Vostochnaya Rus'*. Poznań. (In Russ.).
- Yurkenas, Yu. K. 2003. *Osnovy baltiyskoy i slavyanskoy antroponimii [Principles of Baltic and Slavonic antroponymy]*. Vilnius: Ciklonas. (In Russ.).
- Zhuravlev, A. F. 1999. Drevneslavyanskaya fundamentalnaya aksiologiya v zerkale praslavyanskoy leksiki. In: *Slavyanskoye i balkanskoye yazykoznanie: problemy leksikologii i semantiki: slovo v kontekste kultury*. Moskva: Indrik. 7—32. (In Russ.).